Юрий Макс.

МЕКЛЕР

Антихрист,

который хотел как лучше

l'Être anonyme

Юрий Максович Меклер

подписывается с сокращенным отчеством, чтобы отличали от его полного тезки Юрия Меклера, назовем того Старшим, физика из Ленинградского НИИ, чье имя встречается в анналах ГУЛАГа и редколлегии «Континента», и в отличие от кого Юрий Меклер Младший, лингвист и театральный режиссер по образованию, по профессии—журналист и писатель, автор двух десятков книг в прозе, поэзии, драматической поэзии, драматургии и философии.

В том же издательстве того же автора:

ПАСТЬ, РВАННАЯ НА ЧЕТВЕРО, повести. 1999

ДО И ПОСЛЕ СМЕРТИ, документальный миракль. 1999

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИУДЫ ИСКАРИОТА, телесериал. 1999

ЧИСТКИ, допрос. 2000

БЕЛКА В РАЗОМКНУТОМ КАРУСЕЛЬНОМ КОЛЕСЕ, пасквиль. 2002

EXEGI MONUMENTUM, ni dehors, ni à bord, comme d'abord. Ô bouc émissaire! 2003.

«... *И ДЬЯВОЛОВ ВОДЕВИЛЬ*», детектив. 2003

O EGO! SUM NIHIL, ERGO SUM, проза жизни. 2007

КУКЛЫ И КУКЛОВОДЫ, рассказы космополита. 2009

100, стостраничные новеллы. 2010

ЦВЕТУЩИЙ ПАХУЧИЙ ЛОБОК СОДЕРЖАНКИ, лубок. 2011

ЛЕТОПИСЬ, ОТТИСНУТАЯ НА БЕРЕСТЕ, эпопея. 2013

Rio2016, поэма. 2016

ТЮРЕМНАЯ ЛИРИКА. 2016

ХРИСТОВА СЕРМЯГА ПРАВДА-МАТКА, трагедия. 2017

В ВОРОТАХ АДА, античное. 2017

ПИЗДОСТРАДАЛЕЦ, роман в стихах. 2017

ДИССИДЕНТЫ, рэп-поэма. 2018

ТЫ—СОБЕ, А Я—СОБЕ, былина. 2018

INRI, дилогия. 2021

БОРИС БОДУНОВ, фильм. 2022.

КОСМОГОНИЯ К ПОЛУДНЮ 10.8.2001, эссе. 2001

ОБЕЗЬЯНА, ЗАВЕДЕННАЯ В ЖОПУ, этнографика. 2025

© *Издательство* L'être anonyme

Париж 2005

ISBN 972-2-492936-06-7
EAN 9782492936067

Антихрист,

который хотел как лучше

Водевиль цивилизации

первый пергамент

ГОЛОС

Дождь...

Темно и холодно. И мокро в ознобе. Сырой ветер с залива треплет порывами, пронизывает, пронзительно пробирает до костей, колет несомой дождевой крошкой в лицо, забирается за воротник, под которым—ты, съежившись, скорчившись, поджавши хвост меж задних ног, встрепанный, взъерошенный, взлохмаченный, весь из себя расхристанный скрючено бредешь, плетешься, хорошо не ползя брюхом по земле.

Петербург, где всегда дождь и темно.

Темнота, прорезанная неверным светом уличных фонарей. Их нахохленные птичьи перья, загнутые краями, рвут драные блики, разложенные в капле воды на ресницах зазубренными нитями пилы. Ощерившийся свет насилу пробивается сквозь тьму.

7

Неровный непомерный звук дождя по козырьку трамвайной остановки, звук джазового перестука синкоп.

Вода забирается во влажные промокшие башмаки. Проклятый 36-й трамвай! его не будет уже больше никогда...—исходишь ты на нет злобушкой на трамвайной остановке наискось от Инженерного Замка, трясясь и трепыхаясь, зубом на-зуб не попадая.

Злость хлещет через край в злобу округи, собственная злость и чужая злоба в ответ на твою как постоянное выражение вас, кто не бывает другими, будучи озлобленными от рождения, если не от природы, ожесточенно угрюмой, завистливой, зловещей.

Злость и зависть! зависть к сподобившимся жизни просеянным сквозь социальное решето, отсеянным обществом. Они пропущены сквозь его частое сито впущенными им в жизнь, им она *зеленая улица*, а не дождь в темноте на трамвайной остановке.

Я завидую страшно, люто, несмолкаемо постоянно всем, всем без исключения, куда ни кинь глаз, они везде, повсюду. Зависть—среда моей пробирки, где я развожу себя злостью на мир. Кругом толкутся «самодостаточные», бесконечно довольные собой достигшие в жизни своего, достигнувшие всего. Я один не достигаю ни черта, хоть тресни, у меня ничего не получается, мне под 30, я пишу в стол, и у меня не выходит ничего, начисто. Я бездарен. Удачи мне нет ни в чем. Я неудачник!.. И я завидую чудовищно всем, до кого дотягиваясь завистью, знакомым и незнакомым на улице под питерским дождем.

Кто это сказал?.. Я не вижу его, я только слышу. Он донесся откуда-то, да-да, бесспорно—отсюда, из тех Величественных, как это понимается задним умом, которым всяк крепок, Семидесятых, последних цивилизационных, за кем—потоп, Великий Застой, актуальный вертеп, *стоп* на космической орбите, остановка 36-го трамвая, кто не пошел дальше (не случайно он так и не пришел тогда, предчувствовав наше будущее), общий упадок, сброс сил, прореха на истории, безумие

бессмыслия, безмыслие погружения в никуда, еле-еле сменивши прошлую цивилизацию на новую научно-техническую, которая, не успев народиться цивилизацией, как прямо здесь на наших глазах началась такой откровенной неприкрытой научной проституцией такого безмозглого дерьма, что только диву даешься, глядя, как ты умудрилась?..—валяется в схоластике и заработке грантов, сползши историей человечества в нео-Средневековье, откуда подыматься Ренессансом через положенные полтора тысячелетия—кем?.. что за раса из земных понесет на себе очередной взлет цивилизационного витка?.. какая страна пригреет на груди змею-интеллигенцию?..

Желающих не много, в очереди не стоят: не в магазин в сезон скидок цен.

И—не спихнешь на госбезопасность, не управляющую планетарными процессами, как вообще ничем не управляющую, лишь подзуживая не прекращающиеся социальные процессы, гребя по течению и стараясь не быть выброшенной на берег, удержаться на плаву. Регресс после невиданного исполинского духовного рывка на рубеже XIX-XX вв. реализовал прогрессивные цивилизационные силы, вложив их в единый по миру толчок краха и падения вслед за колоссальным взлетом на стыке эр. Явление космического порядка из разряда потепления планетарного климата. Галактическая периодичность. Ничего не поделаешь.

Так кто это сказал?..

Я слышу его, но не вижу. Петербург. Тьма, дождь. Голос отсюда. Слышен доносящимся до меня, видимо, из тогдашних наших диссидентских кругов?.. Я не знаю. Я спрашиваю себя. Откуда ему, прости господи, было еще взяться?.. Больше неоткуда.

Все круги тогда были диссидентские в России. Большой Дом на Литейном был оснащён отделом анекдотчиков. За счастливым исключением неБрежных мастодонтов из Днепропетровской мафии не было человека в стране, кто бы ни был о ту пору диссидентом в душе, распеваясь по утрам в ванной под душем. Советская власть надоела хуже горькой редьки и нынешней клептократии путинских уродов,—освобожденные комсо-

9

мольские секретари в комитетах морду воротили! Неприятие верхов было всенародно, фальшь идеологии невыносима, скобари Политбюры из навозных конюхов запорожских куреней не перевариваемы, быдло парт.аппаратчики выели всю плешь, антиправительственно настроено было всё, анархия повсеместно гуляла по Руси на своё давешнее раздолье, и однако же в конце Семидесятых ничто не предвещало смену режима, не указывало на то, Советская власть казалась монолитной, как никогда, непоколебимо не сдвигаема со своего лживого советского, давным-давно отжившего своё, вывернувши Кузьмича на прямо ему противоположное, и диссидентское движение не претендовало на большее, чем играть с властью на предмет дернуть ту за хвост. У диссидентов не было ни шанса на успех. На пяльцах предлагаемых обстоятельств Россия вышивала гладью лубочный гобелен с лебедями.

Увы, конец века—не начало того с его революционным скачком, порывом всего человеческого существа вознесши всплеск земного интеллекта на невиданную доселе недосягаемую высоту цивилизационного броска во взлете мирового духа. Диссиденции было не подняться так высоко. Время вышло. Советской власти ничто не угрожало, кроме нее самой. И диссиденты искали вход во власть с торца. Не впущенные в жизнь с парадного подъезда идут в обход окольными путями, тащатся по жизни, тщатся войти в нее. Не отсеянные социальным ситом не пролезшие к противню с пирогом требовали себе куска у власть-имущих: пускай посадка!.. пусть лагерь!..—шли диссиденты по Владимирке старой русской жертвенности в массе, абы власть признала их за идущих, за жертву, коли не признает их права на жизнь.

Оппозиция жертвами выторговывает себе у власти право на кусок пирога за столом с властью.

Не знаю, может быть, в Москве с этим было как-либо иначе: св.Буковский, Сахаров... В столицах больше возможностей. Не впущенными с парадного подъезда во власть в Питере диссиденты прибивались к власти от противного, сколько бы вход ни был открыт для всех. Без исключения. Настежь. В институтский комсомоль-

ский комитет зазывали, тащили на аркане—живи не хочу, откуда прямая дорога в органы, комплектующие свои ряды из комсомола, из профсоюзов—прямиком в правительство, минуя партию. Но якшаться на виду у Петербурга с отпетыми отщепенцами сорта Путина и Абрамовича—диссидентам не с руки: стыдно! С черного хода противостояния на пути наверх они поднимались по лестнице, ведущей вниз.

И хочется, и колется...

—Я диктую номер в Публичке, на котором лежат книги! Для желающих!

Это у Вити Кривулина на Шкапина в квартире с символическим номером *37* на полуподпольном семинаре по раннему христианству (Ориген, Квинтиллиан, Тертуллиан, которые меня тогда совершенно не интересуют, и что я делаю на семинарах у Кривулина—я не знаю). Близко Новый Год,—какой?.. 1976?.. 1977?..—и в его преддверии праздник. Навалом польты под вешалкой. Народу—плюнуть некуда. В голых стенах, оклеенных газетой, на полу—кастрюля картошки с мясом между ног у Кривулина в полиомиелите с «Хильдой» Горичевой, прозванной так на факультете за пристрастие к немецкой философии. Юля Вознесенская танцует цыганочку с приспущенной бретелькой бюстгальтера: отправляется на поселение...—женщины нашего круга, из фото-моделей точно не было ни единой.

Юле очень хотелось в тот вечер быть привлекательной. На поселении с этим будет сложнее. Позже в эмиграции в Берлине она выпустит книгу, всю состоящую из абы не сказать чего лишнего. До буквы слова. Я поразился: такой панический ужас самоцензуры, от которой читателя слабит и тянет под ложечкой. Почему?.. В Германии антисоветская риторика крайне приветствовалась. За границей можно бы было не церемониться. Зачем тогда шла на поселение?.. Чтобы эмигрировать?..

В Вене.

В пересылке слышу за спиной:

—Кому там было плохо—здесь будет вообще никак. Кому там было более или менее—здесь тоже будет сколько-то ничего.

Что до меня, то я по обыкновению—злющий яко пёс цепной, хорошо не бросаюсь на людей с привязи.

—Позвольте, мы с вами не знакомы?..

Лев Рудкевич.

—А! ну, да, конечно. Подпольные семинары по раннему христианству у Вити Кривулина на Шкапина!
—Не у Вити! Это у меня вы были! Это моя квартира *37* по Шкапина!
—Вот, откуда я вас знаю! Вас не узнать, Лев Александрыч! Похудели.

В Питере он был весь в белом и откормленный семьей. Назвал мать *коровой*, заговорщицки переглянувшись, высох, высок, бурно лысеет шевелюрой мелким бесом и работает на НТС, обладающем издательством «Посев», Possev Verlag, где печатаются все, кого не берут в другую эмигрантскую прессу, и чьё бюро в пригороде Франкфурта-на-Майне, занятое шпионажем на территории СССР, субсидируется непосредственно из немецкой гос.безопасности Verfassungsschütz...—последнее переводится буквально так же, как звучало диссидентское движение в России: *защита прав*.

Правозащитники из ГБ.

Позже Рудкевич приезжал ко мне в Рим покупать очки: в Австрии дорогая оптика. А я у него в Вене справлял свое 30-летие.

Так это оттуда—голос, который я слышу, но не вижу? ... из 37-й квартиры Льва Рудкевича с семинара Вити Кривулина?..

Должно быть, оттуда, если логически подходить, хотя с тем же успехом—может быть откуда угодно: с Герценовского литфака, где о чем, бывало, ни треплешься на галерке на общих лекциях потока у Билинкиса...

голос мог быть слышимым в любой компании, где пьешь или так без толку звенишь о чем-то с Марком Мазьёй в «Сайгоне»...

он даже мог бы принадлежать уркагану давеча

из зоны,торговавшему у меня за трёху Евангелие с параллельным переводом на старо-славянский издания епархии в коленкоровом переплете... А что? Вполне возможно.

Или я привез этот голос из Москвы, куда ездил прибиваться к церкви в круг опального священника о.-Дмитрия Дудко?.. Относительно вскорости за тем старика забрали. Из лагеря он написал покаянное письмо, опубликованное в «Правде», чего ему никто не пенял, и умер там же, в лагере, со стыда за себя.

В Москве—Виктор Кудрин говорил, как по написанному, стоявшие рядом люди оттого испуганно оглядывались с трепетом всех их существ, всхрапнувши лошадями на ипподроме: неловко становилось не то за него, не то за себя, старавшегося в диалоге с ним поелику удастся затушевать высокопарный александрийский штиль кудринских славянизмов, скрасив впечатление, произведенное им на окружающих, непоправимо пошатнувшихся в их душевном покое. Виктор Кудрин, учившийся в Полиграфическом институте (закончил ли?..) работал гидом по Москве, на этом поприще не бросался речью в глаза москвичам и приезжим, и таким его можно было безбоязненно пускать на улицы столицы. Отвиливая от армии и комиссуясь, кося под параноика в психиатричке, на выходе из адреналина ему пришла в голову мысль, позже напечатанная им в детском журнале «Костер», за что Кудрину прислали из Америки степень доктора Корнельского университета. Свежий Кудринский взгляд на земные попытки наладить связь с инопланетными цивилизациями посредством радио-связи оценивал те как крепчалый маразм. Пустая затея. Заранее обречено. Чтобы обнаружить инопланетную цивилизацию радио-волнами, та должна так подгадать развитием к моменту радио-приема, чтобы находиться в точности на земной ступени научно-технического оснащения, оперируя радио-сигналами, которым на Земле без-году неделя, а спустя век-другой о них вовсе забудут, перейдя на более оптимальный способ связи, не говоря уже о том, что сигнал прибудет к иной планете через мириады световых лет, среди которых ему надо будет отыскать дыру в 100-200 земных лет, чтоб быть воспринятым, а ответ-

13

ный сигнал из космоса к нам на Землю придет, когда давно необитаемая замерзшая Земля окончательно потухнет *белым карликом* в Солнечной галактике.

Может, это гуляя с Виктором Кудриным по Москвереке, я слышал мой искомый голос от Кудринского приятеля, вышедшего после 8-ми лет принудительного лечения от инакомыслия в психиатричке у Минца?..

—(*когда седой и грустный Кудринский приятель уже порядочно удалился, чтобы нас не слышать*) Витя, что за тон и что за вопросы?
—Я его проверял.

Человек 8 лет провел в дурдоме в психотропных препаратах на принудительном лечении от мозгового излишества, после чего встречает единомышленников, а те его проверяют.

Впрочем, у кого из нас ни лежат на совести горы глупости, навороченные нами абсолютно необъяснимо, с годами мы в ужасе просыпаемся от них, подскочив посреди ночи на подушке в поте души, не веря, что это были мы во сне. Виктор Кудрин—один из немногих славных людей, встреченных мною на свете, и чрезвычайно близкая мне натура.

Он же представил меня брату Алеше, монаху Симонова Успенского монастыря, основанного в XIV-ом веке преподобным Феодором, приходящимся племянником св.Сергею Радонежскому. Брат Алеша в Даниловском районе Москвы пах карамазовщиной, стоял на более, чем ортодоксальной позиции в монастырской обители, рекомендовался ревностным православным, и сомнительно, чтобы искомый мною голос мог происходить из его братии.

Я вернулся из Москвы с чувством дурного лицемерия, разведенного мною на церковной паперти, совершенно чуждой мне, и с подцепленной по храмам на отстоянных службах дизентерией, от какой лечился дома в Питере свечами в задний проход.

С Витей Кудриным меня познакомила певица Наталья Мошкова с пожизненными сексуальными связями на Литейном 4 большей частью, как я подозреваю. Под Кудрина Наталья, помимо что выскочить замуж, била

клинья на предмет столичной прописки, происходя по рожденью из Вологды. При упоминании о Наталье Кудрин надолго замолкал и задумывался.

Нет-нет, голос слышался не из Москвы. Верней всего, это всё же кто-то из петербуржцев, кого я слышу, но не вижу в темноте сквозь дождь, кто сказал мне тогда в Семидесятых:

—«Вообще говоря, если вдуматься, где-то по большому счету там многое не логично»...

Там—это в Евангельской сцене распятия.

И через треть века я подумал, что, если это *не логично*, то, значит—всё было иначе, нежели *там* написано, и остается только свести логику с реальностью.

* * *

Сколь бы Евангелисты, Иоанн Богослов в особенности, ни болтали несуразное, от которого им следовало бы отказаться по недолгому размышлению, как бы ни правили за ними их тексты поздние переписчики, безбожно перепутав, переврав и наворотив бочку арестантов при первых безграмотных папах I-II вв., как бы отцы церкви другой раз вовсе ни отрицали за евангелистами их авторство, несмотря на всё это, написанная правда топорщится из «Евангелий», ею сквозит оттуда, колит глаза. Евангелисты искренни и по-своему искренне верят в чего пишут, исходя из веры и их целей, и—вопреки их предпосылкам и установкам правда о Христе, выпяченная ими, лезет наружу между строк.

Что до твоего покорного слуги, читатель, то я всего лишь единственный за 2 тысячи лет, кто взял себе за труд прочесть на трезвую голову и в твёрдой памяти чего написано у евангелистов и у Тимофея в «Апостольских деяниях»: за 2000 лет всемирного чтения «Евангелий» их никто так и не удосужился прочесть в мире, не читая, чего там написано черным по белому.

15

Это то, с чем я выхожу на тебя, читатель, данным опусом, исходящем из посыла, что всё написанное в синоптическом и каноническом списках Евангелий, как и в Апостольских Деяниях—сущая правда,

при одном условии: Он выжил на кресте.

Ты уже понял, читатель: та мысль, на которой тут всё базируется и строится, не была ни высказана, ни выражена в виде именно что мысли тогда в Петербурге чьего-то голоса из нашего тамошнего диссидентского окружения, голоса, который я слышу, но владельца которого не нахожу среди знакомых, не вижу, как вскользь тот роняет при мне некое подозрение на мысль, предмыслие, удивленное предчувствие ее, не артикулированной, не озвученной, не оформленной в мысль, не сформулированной, не сформировавшейся мыслью в намёке на мысль, ее тень, не законченную, не одетую в мышление, бесплотно промелькнувшую мимо намёткком, содержащим наблюдение за не-логикой происходящего в сцене распятия. Ее я вынимаю сейчас на горà собственно мыслью как таковое из уст безымянного голоса, где она содержалась возможностью мысли, потенцией ее при условии, что из нее сделают логический вывод, вынимаю сложившейся мыслью из Петербургской ночи с дождем и ветром с залива на сырой в промокших расхлябанных хлюпающих ботинках трамвайной остановке, где никогда не ходит 36-й трамвай.

КАЗНЬ

Там, где Он сейчас, у нас—предПасхальная пятница 6 апреля. Пасха в тот год приходилась на 7 апреля, субботу. Арестованного ночью в Оливковой роще и приволоченного к Ханану, избитого как собака на дворе первосвященника, на утро Его волокут уже с Кайяфова двора на место Его казни, на Голгофу,—в переводе: *Лобное место*.

Ведут. Влекут.

. . . . . .

Он тащит, влачит на себе по Терновому Пути орудие своей казни, крест, но—слишком тяжел, не вынести!.. самому Ему не донести, падает, ослаб от побоев. И наняли первого встречного, попавшегося на дороге, некоего бесчисленного Симона, в данном конкретном случае—Киринеянина, каких легион, едущих с поля на Лукиановых ослах, кто повез на себе за Ним Его крест, втащив тот на Голгофу.

Собственно, крест Его—из живописной традиции иконописи. На самом деле Он тащит перекладину того, массивный брус. *Лобное место* экипировано врытыми в макушку ее пригорка тремя столбами, загодя впрок заготовленными по душу распятых. Распятые волочат на Голгофу к столбу брус перекладины, к какому им прибьют руки гвоздями, и затем на веревках подтянут брус с распятыми на столб, где брус войдет в надлежа-

17

щий паз наверху столба и установится там перекладиной, упрочившись. Ноги прибьют к столбу распятому, уже висящему на руках.

Крест Христа по форме—буквой «Т».

Процедура стандартная, проверенная, апробированная, неоднократно бывшая в употреблении с завидной регулярностью. *Свято место пусто не бывает*. Можно быть уверенным, что с Ним на месте Его казни поступлено казенно, как со всеми здесь.

Итак, Он—на кресте.

Когда это по времени?..

Ближний Восток—медленное место. Никто не спешит. Пока Его обнесли чашкой кофе за завтраком у Кайяфы, пока нанимали Симона Киринеянина—уже хорошо за полдень, точнее—пополудни. «Был час третий, и распяли Его» (Марк 15: 25).

Далее каждый занимается своим делом.

Солдаты делят Его хитон не шитый, а весь тканый (Он в одной набедренной повязке на кресте),

разбойники с соседних крестов по правую и левую Его руку честят Его, *язви его на наш ответ*, злословят на чем свет стоит, ругмя ругаются, не дают умереть спокойно:

— «Раз ты Мессия, как ты говоришь—сойди, сойди с креста! Ну, чего ты?..»—

услышали, кто у них крестным соседом, и—ну, мастериться, сами, никто их не науськивал издеваться над Ним, бесплатно, от полноты души, никак не зачтется:

—«Ты ж Мессия! Сделай так, чтоб тебе спастись, сойти с креста! Сойди!..»

женщины, шедшие за Ним из Галилеи, стоят поодаль смирно, как ведут себя женщиныиз Галилеи: мать Его Мария, ее сестра Мария Клеопова, Мария-Магдалина,

Иосиф из Аримафеи, и Никодим, ждут, когда им отдадут Его тело, позволят забрать.

И наконец, в обрамлении из сверхъестественных атрибутов, положенных драматичности момента вроде померкшего на небесах солнца, разодранного занавеса в храме, сделавшейся на земле тьмы великой,—детали долженствующие придать происходящему подчеркнутую значимость, положенную литературе апокрифического жанра—следующая после третьего часа цифра: «в девятом часу» (Марк 15:34):

явно утомленный сволочью-уголовниками, соседствующих с Ним на крестах, Он картинно произносит на публику хорошо знакомую и варьируемую у евангелистов фразу:

—Пронеси чашу сию мимо меня, господи!

после чего *в девятом часу* красочно испускает дух, поникнув головой на грудь и явно приглашая добродушных зевак, забредших на Голгофу из праздного любопытства за бесплатным развлечением, поверить Ему на-слово:

коли говорит, что умер—значит умер; в конце концов, Он умер, Ему виднее.

В очередной раз Христос приглашает народ поверить Ему. Оно не внове. Собственно, Он ничем другим не занимался текущие 2 года, кроме как предложением верить Ему. На этом зиждется, стоит у Него вся проповедь Его миссии: вера! Он ставит на веру. На ее силу. Если подходить с верой, поверив, уверовав—всё удастся. Поверь! и—всего добьешься. Гору сдвинешь, планету перевернешь. Я даю тебе рычаг для поворота мира: Меня! Я—твой рычаг. Поверь в Меня, и ты сможешь всё. С верой ты сверх-человек, управляешь всем, материей, природой. Вера—средство сверх-людей.

Христос привык призывать поверить Ему, и тут предлагает, с креста. Оно естественно для Него. Он не отступает здесь далеко от предписанного Ему Им же, ясно давая понять окружающим, что мертв и что это так и есть. Поникнув повешенной на грудь забубенной и прикрыв глаза, чтобы не смотреть на сволочей-соседей, Он предлагает уголовникам заткнуться и заняться болью своих тел, проворачивающихся на крестах при каждом вздохе.

О, читатель! ведь не сможешь же ты отказать Христу в

19

такой мелочи, как придумать, чем отдохнуть на кресте при распятии?.. Или Он и на это не способен, потвоему? Совсем маленькая невинная уловка, всего ничего. Ты так ни на что другое не способен! Крошечная хитрость, а?.. Он просто ненадолго притворится мёртвым, чтобы не видеть нашего бедлама.

Или Он не заслужил?!.

Отсюда подробнее. Остановимся на данном 6-часовом моменте. Мы смотрим сейчас на это Его растянутое мгновение, забегая в предваряющее его происходившее стопами романизированного расследования, в каком мы берем на себя смелость вложить Ему в уста наши слова: оно не противоречит условию жанра и не должно казаться читателю использованием служебных авторских полномочий в личных целях. Ба! Таким оно не будет у нас выглядеть преувеличением, не правда ли?

Вот Он висит на кресте.

Третий час дня. Боль нестерпимая.

Рядом каждодневный бардак и бесиное бесчинство, не оставляющее Его в покое. Беснование и самозваный Спаситель человечества. Эта грязь и тут не дает Ему ходу. На кресте от них не спастись! Уголовники поносят, изгаляясь в свое подлое удовольствие. Распявшие Его солдаты суют губку с уксусом в зубы. Бабы—в стороне, как положено женщинам... мать... Нету спаса! Спас не бывает кроме, как на крови! нет—не в жизни! смерть, в ней одной спасение!

—Ну, спасись, спасись! Ты же Мессия! Спаси хотя бы самого себя, спаситель!.. Себя-то можешь?
—... и, если сможешь—нас за компанию.
—Мы не испортили тебе Пасху?

Криминал в восторге от своего убойного остроумия.

Сколько времени выживали на кресте?.. как долго продолжалась казнь распятием?..

Обычно 2-3 три дня.

Христос умирает через 6 часов.

Всякий вдох, глоток воздуха, вобранного Им в легкие, поднимает у Него грудную клетку и—проворачивает тело на гвоздях в руках и ногах. Чтобы избежать чудовищной не выносимой боли, Он почти прекратил дышать. Еще немного, и—дыхание остановится.

Он близок к тому, чтобы задохнуться сам.

Ну, да, конечно, Он был сильно изможден, избитый до полусмерти перед казнью, так что не смог сам нести брус перекладины для столба, но все распинаются не в лучшей спортивной форме, те же уголовники одесную Его и по левую руку были неукоснительно отодраны в обязательном порядке, как Сидоровы козы, *пока кости не показались из-под кожи,*—печально натуралистическая подробность из кругов тамошних Заплечных дел мастеров,—что, тем не менее, не мешало пунктуально выдранным распятым протянуть на столбах по двое-трое суток, оставшиеся им для жизни.

И так оно—до вечера, часов до 9-ти и нового явления солдат с дубьем, чем вакханалия, к счастью, прерывалась, наконец, как и Его безрадостная безуспешная безысходная заранее обреченная попытка спасти человечество от него самого. *Оставь мертвым погребать их мертвецов. Иди за мной!..* Кто говорил?..

Кстати, о мертвецах. Ситуация, по меньшей мере—гротескная, (увы! по жанру *Евангелия*—гротеск), случай из ряда вон, поскольку пододвигает Ему себя, сам, пододвинул, подтолкнул под локоть будто на заказ, специально чтобы ухватить того за хвост, на что было в упор не рассчитывать, ни даже помыслить отхватить что-либо подобное у совпадения, на которое наивно понадеяться. Удача! совпадение обстоятельств, какое выпадает раз в жизнь, чтобы урвать ту себе. Или то судьба смеется надо мной, ловя момент поиздеваться напоследок, коль скоро позже будет не успеть?..

Сегодня предПасхальная пятница!.. Не вообще день. Распятых не оставят назавтра в крестах Голгофы. В Пасху распятым на крестах висеть не велено, мамка наругает. Приравнивается к творческим мукам сочинения на тему *как я провел лето*, что воспрещено делать в субботу. Ближе к вечеру придут солдаты, и тогда...

В самом деле, не продолжить ли Ему отдыхать в крес-

21

тах?.. Уж было начал. Пока суть да дело—вышло успешно, что ни говори. Сраный криминал худо-бедно угомонился блеять у него над ухом, так что Он почти отдыхает, если не телом, то душой.

Думал ли Он так?.. Прокручивал ли в уме возможные варианты развития обстоятельств, в которые попал по воле случая?.. Виноват, по случайности попал, или находясь там подставленный случаем?.. И случаем ли?.. или Господом богом, за кого Он с успехом мог принять случай, держать тем тот тем более, что им одним, богом-случаем они там жили тогда всей Иудеей, ища бога в себе и опричь и различая того по случайному стечению обстоятельств, воспринятому знаком, показанным им свыше, и нагрузив совпадение астральным значением?..

Почему ты такого незавидного мнения о Нем, читатель?.. Ведь ты искренне убежден, что Он затрудняется сейчас проиграть в воображении ситуацию Крестного вечера. Почему-то ты считаешь, что если тебя это затруднит, то и Ему тоже будет затруднительно, потому что ты именно так считаешь, читатель. В этом твоя проблема!

Между тем не нужно ничего моделировать сознанием, ни вспоминать примеры, ни проигрывать войну, усиленно побеждая на планшете театра военных действий. Ему не надо было представлять себе, как с Ним будет вечером. Он знал, не представляя.

Не Он один. Это современнику ничего не известно на сей счет: в Иудее о ту пору оно было из области общедоступного. Земля слухами полнится, ходящими в народе известным, вестимо, всем. Случаев похожих пруд пруди. Пример на памяти. Подобные факты входят в социальный опыт соотечественников их местом, застолбленном на кладбище. Простая операция, не провести невозможно. Коли на Пасху распятых не оставляли на Голгофе, Христу и криминалу на соседних крестам не оставалось двух-трех дней жизни: их убивали в тот же день, в пятницу 6 апреля 30 года,—приходили солдаты с железным ломом и ударом по голени ног перебивали кости, отчего неминуемо наступала мгновенная смерть,

чего Христос не мог не держать в памяти,
и к чему относился весьма пристрастно, скажем даже—предвзято, как оно напрямую относилось непосредственно до Него самого.

Итак, как и полагалось, солдаты пришли в девятом часу, перебили железом голени у обоих преступников, висевших справа и слева от Него, отчего те моментально околели, но «как увидели Его уже умершим, то не перебили у Него голеней» (Иоанн 19: 32, 33), а только небрежно ткнули пикой в сердце, и тем удовлетворились.

Как Он и предполагал?..

Не то слово. *Не мог* не предположить, держа за хвост обстоятельства, могшие развиться таким образом. Он не мог ручаться, что те разовьются так, но не предполагать Он не мог.

Чему ты удивляешься, читатель?.. Ну, хорошо, но идиотом-то Он точно не был! Судьба зримо придвигала к Нему шанс выжить на кресте, спастись на казни, как того испрашивали с Него уркаганы одесную Его и по левую руку, выказать себя Мессией, кем Он назвался, сойти со столба прибитым к тому, выйти из костра, воскреснуть после смерти. Ну, не могу я не доставить им post mortem такого удовольствия, как и не понять своего шанса как дарованное Мне Провидением! принять того за мою планиду! пройти мимо уготовленного мне судьбой! не признать знаком Господа, велящего мне: «Уцелей!»

Он так и сделал: обманул, притворился мертвым, и с тем—выжил на казни, остался в живых, пережил свою смерть, воспользовался привалившим случаем, представившимся столь невероятно удачным совпадением времени с праздником, куртуазно предоставленным—кем?..

Вот именно. Кем?!.

Мимо такого не проходят,
и—Он не прошел.

И когда Его снимали с креста, думал, кому Он обязан второй жизнью?.. И как Ему ею теперь распорядиться?

23

—Ну, давай! давай! спасись! Давай! Ты—Мессия! Чего ж ты не спасаешься? Висит тут, как не знаю... Спасать-то себя будешь, нет?..—стояла в ушах свистопляска распятия.

Оргия глумления длилась в Нем.

Был реальный шанс выжить на кресте. Грех не воспользоваться случаем!..—обставлял Он свой притворный уход с придворной сцены стандартной фразой из репертуара бродячих проповедников, в чьем жанре подвизался 2 года в расчете на публику у Его ног, картинно испускал дух на плахе, повиснув буйной головой, по возможности правдоподобней изобразивши горестную кончину, хотя крупные актерские дарования по тому времени от Него не требовались: публика Его зрительного зала простодушна, не искушена в искусстве перевоплощения и лжи, и не стала бы презирать Его за театральные штампы, которые ей не претили, словом, верила на-слово.

Который теперь час?.. Христос умер в девятом. Сейчас еще не поздно, вечер, не ночь, где-нибудь десятый, начало одиннадцатого. Солдаты пришли спустя приблизительно час-полтора после Его смерти,—еще не ночь. Иосифу из Аримафеи было бы не с руки являться к прокуратору Иудеи с первыми петухами: ни его к Пилату не пустили бы, ни Пилат бы к нему не вышел.

Не ночь, но темно, естественно. Женщины и Иосиф из Аримафеи с Никодимом стоят поодаль в совершенной темноте. Пришедшие солдаты тускло освещены колеблющимся огнем факела, рваное пламя сносит ветер порывами, когда кто-то из солдат с пикой ткнул ею Христа в левую сторону груди в сердце, откуда полилась кровь.

. . . . . .

Там нет сердца, в этом месте.

Сердце стучит нам из-под грудной клетки слева, но находится в самом центре груди.

И из трупа не идет кровь.

. . . . . .

Солдаты пришли определенно не через пять минут после того, как Он красочно испустил дух, поникнув молодцеватой буйной, уроненной на грудь в расчете впечатлить зрителей, убедив в своей мученической смерти, о чем, к слову сказать, Он тоже подумал—чтобы вовремя умереть: ни рано, чтобы это не показалось подозрительным, ни поздно, чтобы не нарваться на пришедщих солдат,—так примерно спустя час-полтора пришли.

Час-полтора—достаточный срок, чтобы в мертвом теле остановилось кровообращение.

Будь Его тело мертвым—крови бы из того не текло.

Христос испускает дух в девятом часу. Ближе к ночи приходят солдаты. Станут ли они перебивать ноги мне мертвому?.. Ведь я же умер! Станут?.. Да нет, едва ли! А?.. Нет-нет, вряд ли. Я же уже умер. Дважды не убивают. Зачем? Возможно, ткнут для очистки совести пикой в грудь и с тем отдадут труп родным. Так, нет?..

Когда Иосиф из Аримафеи является к Понтию Пилату, испросить у того тело Христа, Пилат удивлён: «Он уж умер?..»

«Пилат удивился, что Он уже умер, и, призвав к себе сотника, спросил: давно ли Он умер? И, узнав от сотника, отдал Его тело» (Марк 15: 44, 45).

В изумленном возгласе, невольно вырвавшемся у удивленного прокуратора Иудеи—мелкие детали, которые дорогого стоят. Нарочно не придумаешь. Они удостоверяют подлинность. Больше! Они подтверждают услышанное нынче тобою, читатель, сквозь тьму предчувствия мысли в том петербуржском голосе, с которого у нас всё началось.

Стало быть, Иосиф из Аримафеи прибыл к Пилату до того, как солдаты явились на *Лобное место* во второй раз, прямо в девятом часу пришел, сразу, как Христос умер, и пока ждал во дворе у прокуратора, покуда Пилат спустится на двор, встав из-за стола, за кем ужинал, пока возвращался к Голгофе—вот они и прошли, эти столь мучительно искомые нами час-полтора, какие отделяли смерть Христа от ее солдатской проверки на смерть, когда пришедшие солдаты (sic!) в при-

25

сутствии вернувшегося от Понтия Пилата Иосифа из Аримафеи ткнут Христу пикой в грудь проверить—впрямь ли умер?.. удостоверивши если не Христову кончину, то Иоанново свидетельство *потекла кровь и вода* из мёртвого тела:

пришедшие солдаты, увидев Его мертвым, не перебивали Ему голеней, а вместо того «пронзили Ему копьем ребра, и тотчас потекла кровь и вода» (Иоанн 19: 34).

Откуда взялась вода, Иоанн?.. Всю дорогу у тебя с ней несуразица какая-то беспричинная. *Ахиллесова пята* твоя? Если ты имеешь в виду лимфу, то как ее отделить от крови, вместе с которой она течет, и увидеть в неверном пламени, рвущемся на факеле ночным трепетным ветром?..

* * *

Вбитым в стену крюком к нам вклинивается происходящее, случившись событием, радикально меняющим положение вещей, проливши свет на действительное их состояние: на его событийный предмет Иоанн-евангелист пускается в пространные отступления, впрочем, свойственные ему:

как оно была «предПасхальная пятница и дабы не оставлять тела на крестах, у распятых перебивали голени» (Иоанн 19:31), после чего исправно мертвыми снимали их с крестов,—растолковывает нам Иоанн, полагая, что образованной публике Средиземноморского бассейна, в расчета на кого он пишет, такого рода факты из свода еврейских обычаев могут быть знакомы не по понаслышке, а могут быть не знакомы вовсе, почему, чтобы быть понятым, повествование нуждается в комментарии пусть задним числом и двадцать раз откомментированном.

Иоанн-евангелист писал свое «Евангелие от Иоанна» незадолго до своей мученической смерти древним старцем, брошенным львам на арену цирка, в Иоанническ-ких общностях Батанеи на севере в Девяностых годах

и ореоле славы, сопоставимой разве что с Христовой. То обстоятельство, что *Евангелие от Иоанна* вращается в мире с середины II века начиная, говорит о том, что оно обнаружено миром к середине II века, а никак не о том, что тогда написано. Эрнест Ренан в Appendice к своим Les origines du christianisme, откуда я черпаю большую часть документального материала к обеим частям моей дилогии INRI, я уверен, вынужден не признавать авторство Иоанна, обнеся того его Евангелием. Ренан не ошибается, когда не признает очевидного воочию. Это отчетливо заметно по нему, чувствуется по тону: скрепя зубами, Ренан через силу именно что соглашается не признавать за Иоанном-евангелистом Иоанново Евангелие, что делает откровенно через не-хочу, заставленный, сердце кровью обливается, протестуя из величественного XIX-го столетия всей честью блестящего ученого прошлого, кому нет цены в актуальном жутком скобарном бездарном до мозга костей истасканном испроституировавшемся научном сообществе, кому, небось, не снился тот испуганный ажиотаж в церкви и обществе, который сопровождал первые публикации Ренанова грандиозного христианского 2500-страничного Пантеона в 2-х волюмах; промеж каждой из восьми частей там проходит рефреном, несется вопль:

На меня оказывают давление!
На меня оказывается давление!

Увы! в итоге оказываемое давление оказывает воздействие, Ренан складывает оружие: проваливаясь со стыда под землю, соглашается не признавать Иоанна за автора его Евангелия, приписать его кому-то другому, какому-нибудь анониму по-безвестней, дабы умалить автора, illico возможно вычеркнуть Евангелие из апокрифического списка, нивелировать, обнулить в истории.

Уничтоженный давлением, Ренан отступает от правды.

Иоанново авторство Евангелия от Иоанна—бесспорно. Иоаннова рука, Иоанново перо. На этот предмет нет сомнений и быть не может. Только Иоанн-евангелист способен так себя оклеветать. Иоанна в его Евангелии

27

обличает, выдает Иоанн. Нарочно не придумаешь. Не под силу никому. Написано им. Это без разночтений! За исключением Казановы, способного обосрать себя с темени до пят собранием своих подтирок, нет другой такой литераторской руки в истории мировой литературы, чье авторское тщеславие бы так беспардонно попирало все мыслимые мерки, согласившись на всё: опорочить себя, оговорить, прослыть в веках незнамо кем, Иудой!—абы заявить о себе, чтоб все услышали:

Есть такой Иоанн Богослов!
Живет на свете!

Федор Михайлыч тут никто! ребенок! достоевское честолюбие бледнеет, бедное, ничтожное, и, померкнув, угасает, затухая, стушевавшись загнанным перед лицом апофеоза всепоглощающей вселенской огнедышащей пламенной страстной любви к себе Иоанна-евангелиста.

Впрочем, мать Христову, Марию, взял к себе, заодно приписав себе же присутствие на казни Христа и что Тот с креста будто бы слезно молил его «взять к себе Его мать» (Иоанн 19:25, 27)... Врет. Не был на казни. Боялся. Но Мария, в самом деле, жила с домочадцами Христовой семьи в Батанее в Иоаннических общностях, окруженная почетом не более не менее, как богородицы. Однако как вода могла пойти из ребер у Христа—Иоанн не откровенничает, умалчивает, несмотря на обыденную неумеренную говорливость и многоречивую склонность к пространным велеречивым лирическим отступлениям.

Пламя... При нетвердо мерцающем трёпанном свете факелов пламя сдувается ветром с возвышения Голгофы. Ветер катится с пригорка в пыли к подножью Лобного места теряться в камнях Тернового Пути, сбросить апрельскую ночную прохладу с утра, спеша снова обратиться в потный душный нависший дневной зной.

И как Христа Тебя сняли с креста,

И воскресенья не будет.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Воскресенье, тем не менее—было, благо что раздвинутое по проезжему шляху летом того же 30 года в Галилею, следом за чем протянувшись дорогой к Дамаску 36-го, чтобы упереться загнанным годами в пафос Кипрского тупика 54-го и уже тут увенчаться Римским 1 августа 64-го, возродившись в расчете на последующие 2000 лет Его иудео-христианской цивилизации.

* * *

Однако, покуда мы—на Голгофе, где, не забегая далеко вперед, с разрешением от прокуратора Иудеи в кармане Иосифа из Аримафеи, Его снимают с креста.

. . . . . .

Солдаты уже ушли и унесли с собой факел.

Темень, хоть глаз выколи. Не видать ни зги.

Ночь... звезды...

Голгофа. Кресты.

29

Иосиф из Аримафеи, Никодим и женщины в кромешной темноте при свете звезд выкорчевывают гвозди, какими прибиты к брусу перекладины Его руки и к столбу—ноги. Спускают Его с креста наземь.

Они запаслись клещами для этой процедуры?..

Даже с клещами это не просто сделать физически, стоит им явных усилий, не доставляя Ему удовольствия сверх положенного. Они не услышали невольно вырвавшийся из Него стон, когда выдирали гвоздь, сидящий по шляпку в дереве, проникши сквозь мякоть Его изувеченной ладони к Его раздробленным костям, потревожив нервы, ведущие к пальцам?.. Гвоздь из стопы вырывали уже хорошо не у висящего на нем.

Впрочем, может, они и слышали, как Он тихо простонал тогда, но в девятом часу он давал им понять, что умер, показывал, изобразил на кресте, что мёртв, и потом солдаты проткнули Ему сердце пикой, удостоверили Его смерть, засвидетельствовали ту перед ними, отметя какие бы то ни было подозрения на этом счет, поэтому они уверены, что Он мертв, и его стон им почудился, или что стонал кто-то другой, Ангел, например, глядя на эту доску иконических страстей, на которую нельзя смотреть без боли и слез, и, стало быть, услышанный ими от Него стон всяк исходил не из Него, принадлежал не Ему, как и непроизвольное движение, сделанное Им, которое не могло исходить от мёртвого, мертвые не двигаются, и вообще тьма тьмущая, где ни в чем нельзя быть уверенным, ни кто стонет, ни куда повернулся.

Со своей колокольни Он не признается им, что жив, не сознается. Остерегается—матери?.. женщин?.. *именитого члена совета*, как назван Иосиф из Аримафеи у Марка?.. Не уверен, что не разболтают?.. не донесут?..
...
Не важно. Лучше поберечься. Пусть думают, что умер. Удачно вышло. Я уже привыкаю к тому, что мертв.

Никодим принес с собой раствор, состав из смирны и алоэ. Мажут Его, умащивают принесенным Никодимом зельем и пеленают «пеленами с благовониями, как обычно погребают иудеи» (Иоанн 19:40).

Несут, везут и водворяют в грот, высеченный в скале склеп, который Иосиф из Аримафеи держал про запас для себя. Приваливают отверстие в гроте снаружи здоровенным камнем и уже оставляют Его в покое в които веки одного, наконец, удалившись.

. . . . . .

В склепе...

Один.

Сюда не придут раньше понедельника,—знает Он это наверняка. Точняк. Раньше—нельзя. Предписано раббиническими занонами: никому ничего не делать под страхом смертной казни за ослушание. Значит, у Него времени—эта ночь с пятницы на субботу, весь день субботы и всё воскресенье с ночью на понедельник. Два с половиной дня одиночества!..

Ур-ра!

. . . . . .

Предоставленный самому себе в продолжение двух с половиной дней—чем он занят?..

Он лечится.

Принесенный Никодимом раствор алоэ, которым Его омывали, благоухающего благовониями—превосходное средство для лечения ран, и, сколько смогши отдохнув от казни, насколько то удается, и, не исключено, даже соснув, Он внутренне сосредоточенным на ранах вниманием тренировано принимается гнать к ним от сердца кровь—к пораженным ладоням рук, к ступням ног, к ране между ребер, гонит и отливает кровь обратно... гонит и отливает... туда и обратно... Называется: *аутогенная тренировка*. Свежая кровь, приливающая к раненым местам, уносит от ран воспаление плоти, выздоравливает ее, оживляет омертвелые участки кожи, мяса, насколько сможет скрепляет перебитые размолотые кости, соединяет порванные сухожилия...

Не случайно в 54-м в Пафосе на Кипре Он будет работать волхвом у Кипрского прокуратора Сергия Паулюса: это—волхвиная техника. Христос—профессионал в своем деле, владеет ею безупречно. В совершенстве!

31

Школа *Кумрана* из научно-партизанской полу-законспирированной базы с восточного берега Иордана в пустыне Беэр-Шева, там Он учился 15 лет до 28-го года, оттуда отправился, соборованный в свой апостольский вояж, выйдя, встав на военную тропу мессианства.

Христос, собственно, медик по профессии.

Заметь, читатель: ни у кого из евангелистов нет упоминания о Его отрочестве и юности. Следом за рождением и детством—обрыв. Белое пятно на биографической карте. Выпущенный из сведений период. То же—о Его троюродном брате Иоанне Крестителе. И дальше оба два ближе к их тридцати они туманно всплывают на Иордане вскользь упомянутыми по случаю некоего совершенного ими с разницей в год 40-дневного испытания искусом в пустыне по соседству.

Когда ни Он сам в проповедях, ни евангелисты не напирают на Его юность, они не камуфлируют, спеша завуалировать, ошибки Его бурной молодости: они не распространяются о том, что и без того понятно тогдашнему читателю Евангелий, и так ясно, не упоминают как о не стоящем упоминания. Где Он был эти пятнадцать лет до того, как Ему прорезаться двухлетним апостольским паломничеством к святому месту в виде самого себя собственной персоной?.. Да там же, где были тогда все, кто иже с Ним в одночасье подавались в пророки в своем отечестве, от каких ломился Ближний Восток, где имя им: *легион*, в соперничестве друг с другом подавшись на баррикады социальной борьбы выкинутым флагом в ранге лидеров ли революционных партий, Мессий ли, главарей ли церквей, еретиков ересей, общественных противостоянцев, борцов с существующим государственным строем, путчистов...—смотря как смотреть.

Все они, как Христос и Предтеча, или почти все—выходцы из *Кумрана*, относительно не так давно раскопанной массивной коммунистической вооруженной полупартизанской базы в отрезке времени I в. до н.э.—

I в.н.э. в пустыне Беэр-шева на левом берегу Иордана, где тамошняя интеллигенция осваивала арсенал средств, взятых на вооружение волхвами в совокупности с научными исследовании в медицине и астрономии, поставивши себе за правило «неукоснительно зарывать за собой дерьмишко в песок» в качестве единственного обязательного требования, ущемляющего личную свободу, безбоязненно ограничив ту этим.

Не оттуда ли ярко выраженные анархо-коммунистические тенденции у Луки, аналогично врача родом из Фессалоников, писавшего свое Евангелие на греческом с чужих слов в конце Пятидесятых, будучи поколением моложе апостолов и приближенным к св.Павлу лицом?.. Притом, что разночтения не исключаются. Матфей писал свое Евангелие на рубеже веков столетним одром в Александрии уже порядком христианизированного Египта, имея перед глазами так же, как Лука, «Евангелие» Марка, официально первого составителя Евангелия выхода в свет 54 года. К перелому веков не оставалось никого из знавших Христа лично, и Матфей не опасался, что его схватят за руку, когда передергивал факты: из 12 Христовых апостолов у Матфея—трое мытарей, считая его самого, Иакова Алфеева и Леввея, прозванного Фаддеем. Каково?.. Мытари! наиболее презираемые, преследуемые в народе и ненавидимые в стране сборщики податей, чья манера сбора налогов зачастую сопровождалась хорошо не локальной Гражданкой, больше напоминая еврейские погромы на Подолье. Четверть мытарей—в революционной Христовой ячейке, к какой принадлежал Симон-зелот, профессиональный террорист, человек с партбилетом *кананитов*, террористской организации зелотов, прообраза российских эсеров, социал-революционеров поэта Савинкова, поднявших и пронесших на своих плечах обе русские революции!..

Провести рукой по пораженной (разодранной, обожженной) кожной поверхности и вернуть ее человеку как новую на манер Купринской Олеси—в частности этому учили в Кумране. *Как рукой снял*—осталось у нас выражение от той эпохи, когда волхвы на Волхове (их вотчина, названная по их имени, колонизованное

ими устье руки при впадении той в Ладогу) культивировали свою волхвиную цивилизацию, совершенствуясь в умении манипулировать материей, леча, прозрев будущее, порой предсказав то, порой переделав, приделав к имеющемуся, подделав, подогнав, будучи сами во времени, вторгшись в его средоточие, проникнув в глубину, пройдя насквозь, прободев временную твердь, встряв вовнутрь и такими дотянувшись до будущего, и потому зная, что будет, потому что видя, будучи там, где оно прошлое, уж совершилось, заправски бывая в нем, как у себя дома, и возвращаясь к нам в наше немощное вздорное базарное настоящее.

Как в воду смотрит—бытует у нас выражение, доставшееся нам от русских Христов на Волхове.

Волхвиную цивилизацию зарубили на корню. Волхвов на Волхове извели народившимся при Владимире христианством на крестившейся Руси при народном попустительстве, если не всенародной поддержкой. Насколько пестовавшие сверх-человека волхвы приходились ко двору в России—лучше не спрашивать. Славянское язычество искоренялось физически, «кровожадного идола» Перуна во главе языческого Пантеона сбросили с Новгородского моста, где обыкновенно дрались Софийской стороной с Торговой. Передавшись значением из итальянского *pagano,* языческий корень осознан русским языком как *поганый.*

Россия... Здесь хорошо резать людей. Страна всегда была на любителя, а теперь просто чудовище. Эти недоноски-уголовники ублюдка-дегенерата Путина в конечном итоге таки-доконали ее, в контексте чего уместно задаться вопросом:

насколько волхв Христос был в неизбывном восторге от своего детища, десятилетиями наблюдая из Сирии и Греции за так называемой *Примитивной Иерусалимской церковью 12 апостолов*, кому Он послужил толчковой для прыжка в историю, ее знаменем и знамением, заронив ее в жизнь и вслед за ней ее следствие—международное христианское движение, неустанно неусыпными стараниями своих проповедников бар-Сабы по кличке *Юстус* и св.Павла охватывавшее регион за регионом Средиземноморский бас-

сейн, грозя в один прекрасный день перекинуться на весь языческий мир, придавить тот международной монотеистической религией с Его Христовым культом в ней, потянувшей на себе косное кондовое мрачное фанатичное убогое упертое тупое 2-тысячелетнее единобожие, сломав, искоренив блистательный античный политеизм, парящий на солнечной колеснице Аполлона-Феба, очарованного лучезарной чарующей Гомеровой гениальностью?..

И сейчас еще не перевелись врачи, которые заходят в тело больного руками без обезболивающего и делают нейрохирургические операции сидящему на стуле с тростниковыми соломинами, воткнутыми в серое мозговое вещество за трепанацией черепа.

Обладая такого древнего рода техникой врачевания, лечит себя Христос в склепе Иосифа из Аримафеи.

* * *

Но конец недели быстро кончается. И в понедельник с утра пораньше прибегает сумасшедшая Мария-Магдалина.

«Приходит ко гробу засветло, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба» (Иоанн 20:1), и в склепе сидит Ангел и разматывает на себе пелены с благовониями, в которые он был спелёнут «облеченным в белую одежду» (Марк 16:5).

В «великом трепете» Мария-Магдалина убегает.

От Ангела?..

Они всем Ближним Востоком охотятся на бога, ушли в погоню за ним, а когда к ним является его Ангел, захлопывают перед носом того дверь, как то сделала Рода в доме у Марка.

Действительное событие. Петр сбежал из тюрьмы и, прибежав к сестре *Юстуса*, матери Марка, колотится в ворота дома. Служанка Рода идет открывать и, слыша голос Петра, принимает того за Ангела, решив

35

что Петра тут не может быть, он в тюрьме, и голосом Петра говорит у ворот Ангел. Так и не открыла.

Что за манеры?.. К чему здесь дискриминация?

Потому что в Библии аналогично богу долго не отворяют, Иаков едва пускает его на порог, в дом не приглашает.

Что они вообще себе позволяют с богом?.. С волхвами, небось, обращались приличней.

Как оно Мария-Магдалина не в себе, на ее крик у апостолов, естественно, не обратили внимания, оставив безответным ее рассказ об Ангеле, другое дело, что не вломился ли кто случаем в склеп?.. ну, я не знаю, нищий какой, бомжара, ищущий ночлега, или что?..— нет, но не дурно бы проверить... И «Петр, встав, пошел ко гробу и, наклонившись, войдя в склеп, увидел только пелены, лежащие на земле» (Лука 24:12).

Так подтвердилась признанная свидетельски безупречной, удостоенная быть достоверной версия об Ангеле умалишенной помешанной Марии-Магдалины, найдя себе место в качестве подтверждения первого чуда у всех четверых евангелистов.

Не равняй себя с действующими лицами моего романа, читатель, напрасно веселишься. Не тебе чета! Свежие искренние созданья, естественные, неподдельные, чувствительные, чистые, яркие, честные античные существа—не родня нашей усталой прагматичной подозрительно шпионящей скептичной породе, живущей на уличном рекламном плакате с брендом бюстгальтера. Тогдашний человек жил нравственными взаимоотношениями в душе, присутствие морали в мире было для него неоспоримее стельки у нас в кроссовке, купленной на размер больше. Античный человек искал бога, как мы ищем денег. Бог служил его наличностью. Божье наличие не опротестовывалось, вторгшись в мир само собой разумеющимся, подразумевавшимся там a priori, как в нашу—магазинная полка с Maasdam classique, стоящая всегда на одном месте. Тамошняя отправная: бог составлял ту часть жизни, которую для нас составляет волейбол в круге на пляже у Петропавловки, абонемент в фитнес-клуб и карточка для проезда на городском транспорте. Богом жили люди!

Марку не приходит в голову сомневаться в очевидности того факта, что гулящая Мария-Магдалина близко познакомилась с Ангелом у гроба Господня. Та очаровательная сцена со служанкой Родой из Апостольских Деяний (большая часть тех написана Марком, вслед за ним продолженных пером Тимофея, секретарем св.-Павла, стенографировавшим за Павлом его эпистолы), сцена, где сбежавшего из тюрьмы Петра приняли за Ангела, на каком основании не открыли тому дверь в дом (12:13-16), она просвечивает людьми, полна ими, бывшими в доме. Вглядись в них, читатель! Сцена биографическая. Случай со служанкой Родой рассказан Марку его дядькой Юстусом. Семейная история. В дом к своей сестре приходит Иосиф бар-Саба по кличке *Юстус*, кому мы обязаны христианством на планете. Будущий евангелист Марк приходится ему племянником, но Марка покуда нет в живых, он еще не родился у сестры Юстуса. Мария-Магдалина видит в Христе Ангела из склепа потому же, почему Рода не отворяет ворота Петру, колотящемуся в них, пока за ним гонится охрана из тюрьмы. Рода слышит Ангела в голосе Петра. Петра не могло быть за забором дома: он был в тюрьме,—следовательно, говорящий его голосом мог быть только Ангелом. В склепе перед Марией-Магдалиной не могло быть живого Христа: тот был мертв, распятый вчера на ее глазах и умерший в девятом часу,—соответственно, живым на Его месте в склепе тороватого предусмотрительного Иосифа из Аримафеи мог быть исключительно Ангел, не так ли? Ты согласен, читатель?..

Присутствие необъяснимого в мире нуждалось в его объяснении средствами, отступавшими от обыденных, что было нормально для античного человека. Его логика в случае непостижимости явления обосновывала то иррациональным, как наша логика исключает иррациональность в угоду практичности, причина, по какой современная земная наука чуть не поголовно проституирует, в прямом смысле слова *исповедуя* не скрываемо религиозную теорию начала вселенной авторства католического школьного учителя: Большой Взрыв Big Bang, не имеющий ничего общего с наукой.

...

Итак, куда Христос сейчас направляется, выйдя у нас из полутемного склепа вслед за опрометью умчавшейся с воплем «Ангел!.. Ангел!..» Марией-Магдалиной?..

Уже утро. Светает. Он сколько-то подлатал себя волхвиным знахарством, достаточно, чтобы утвердиться на нетвёрдых пробитых гвоздями ногах, понести стигматы на руках.

Он совершенно голый. Его набедренная повязка забыта на Голгофе за снятием с креста, покамест Его умащивали благовониями и облекали в пелены. Не возвращаться же! И Он оставил в склепе свои погребальные пелены, которыми его пеленали: ими Он привлечёт внимание на улице. Наоборот, Его нагота там никого не удивит, не смутит, не огорчит. Ею Он мало выделяется из толпы, где пруд пруди людей, на ком ничего или почти ничего не надето, потому что у них совсем ничего нет, а одежда дорогая.

Значительно больше наготы Его стесняет то обстоятельство, что Его тут неплохо знают, в Иерусалиме. Он не отсюда, галилеянин, и в последний набег на Иерусалим порядочно наследил, полощется здесь чуть не неделю, будучи постоянно на людях, проповедуя по базарам, и солидно примелькался местным.

Евангельская сцена с Иудой в Оливковой роще ареста, где Иуда целует Христа указать на того Малхусу (кому чуть позже Петр отсечет правое ухо мечом):

Кого я поцелую—тот Христос,

как всё относящееся до Иуды в Евангелиях—чудовищно фальшива: Малхус отлично знает Христа, ему не надо на того указывать. Он неоднократно видел Его, бывал на Его проповедях, высматривал, кто ходит на них, короче, всяко-разно следил за Ним по поручению первосвященника Кайяфы в качестве доверенного лица того, у кого в аккурат решалась Христова судьба: когда Его брать? как? Не так, как Малхус, но тоже достаточно подробно меня здесь знает полгорода. Не до наготы тут!..—видит Он серьезные шансы обнаружить себя на кресте еще раз, очутившись на Голгофе на сей раз после Пасхи, когда снимать Его с Креста солдатами будет некому.

Ему настоятельно необходимо убежище, где бы было оклематься, поправиться, очухаться от потрясения казни, выздороветь, подлатав здоровьишко, причем—где-то в черте города, потому что дороги так же небезопасны, как и городские улицы, если не больше: за теми присматривают в первую очередь. Ему не уйти из Иерусалима! Проверяется всё. Он должен найти кров в городских стенах. Немедленно! Сей же час! Где?!. Он не из Иерусалима. Тут никого не знает, и если знает какого-то туманного хозяина дома, у кого на днях готовили пасху (*пойдите в город, там вам встретится некто, несущий кувшин воды, последуйте за ним и скажите: «Учитель говорит: где горница, в которой мне есть пасху?..»*) то это—до ареста знает, когда Он не был сошедший с креста. Интересно, как бы сейчас ко мне отнеслись в этом доме?.. Кто не выдаст меня полиции Малхуса?.. Есть ли хоть один такой?..

Читатель уже знает адрес дома, где Христос остановился, спасшись в Иерусалиме после распятия. Их не много у Него, таких адресов. Точнее—один.

Это дом со служанкой Родой. Видимо, сделав для Христа исключение, она открыла Ему ворота, не приняв Его за Ангела в отличие от Марии-Магдалины. Кроме того, Он был голый, каким Ангелы не ходят по улицам Иерусалима.

* * *

Этот дом—дом Акме, легендарной куртизанки Неронова двора, кто единственная в Риме 66-го останется преданной цезарю, отнесет Неронов прах в мавзолей Mons Pincius, нынче il Pincio к северу от Quirinale, доминировать над Марсовым полем,—женщина редкостной разительной разящей красоты и родная сестра бар-Сабы, не менее поразительной центральной фигуры христианства, кому мы обязаны двумя тысячами лет иудео-христианской цивилизации на земле.

Брат Акме, Иосиф бар-Саба по кличке *Юстус* стоит у цивилизационной колыбели в изголовье ложа

земной культуры, Иосиф Саввич, на нем сходятся нити, ведущие к последующим событиям, он собрал их в кулак, держит в тяжкой длани развитие планетарного водевиля, он—буквальное начало начал нового витка земного шара на его космической орбите, родоначалие пост.античного антропологического строя, вершитель судеб того, и он же продолжатель первичного казачьего натиска, первоначального наскока, который на всем скаку порубает в капусту тафту на башке невесты, вышвырнет раннее христианство из сна забвения в явь на свет софитов, пинком в зад небытию выведет за руку к рампе на поклон в ноги авансцены истории.

От бар-Сабы почти не осталось сведений. Безграмотные переписчики Евангелий в свите ранних пап переврали его имя, извратили суть дела, спутали его с бар-Набой, мало интересным спонсором из окружения коммуны Петра, и в интернациональных проповедниках христианства на пару со св.Павлом фигурирует другой. Место *Юстуса* занято.

И здесь не повезло, не вытянул жребия. Забаллотирован. Впрочем, под своим именем бар-Саба упоминается в 1-й главе Апостольских Деяний (23-26).

Деяния святых Апостолов начинаются со жребия, брошенного 11-ю апостолами заполнить вакантную должность 12-го, свободную после отколовшегося от стаи Иуды Искариота, единственного иудеянина среди них, галилеян, оттого распрощавшегося с ними после распятия Христа и краха Христовой миссии. Иуда отправился к себе домой—в иш-Кариот, откуда был родом: Иуда из Кариот. Идти с апостолами в Галилею ему было некуда: у него там ничего не было. А когда они вернулись в Иерусалим, он уж к ним не прибивался более, должно быть, занят был. Ушел в бизнес. И потом, это они были свидетелями воскресшего Христа, явившегося им на Генисаретское море. Иуде Христос не являлся в иш-Кариоте. Иуда ничьим свидетелем не был, верить на-слово не обязан.

На свободно вакантный стул 12-апостола претендуют двое: *Юстус,* поразительно ни с кем здесь не спутанный, и мытарь Матфей. И надо же, ей-богу, так выйти, чтобы жребий выпал в пользу денежного мешка Мат-